MASTER
NEGATIVE
NO. 91-80318-6

MICROFILMED 1992

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES/NEW YORK

as part of the
"Foundations of Western Civilization Preservation Project"

Funded by the
NATIONAL ENDOWMENT FOR THE HUMANITIES

Reproductions may not be made without permission from
Columbia University Library

COPYRIGHT STATEMENT

The copyright law of the United States -- Title 17, United States Code -- concerns the making of photocopies or other reproductions of copyrighted material...

Columbia University Library reserves the right to refuse to accept a copy order if, in its judgement, fulfillment of the order would involve violation of the copyright law.

AUTHOR:

TSERETELI, G. F.

TITLE:

KOMEDIIA MENANDRA "SAMIANKA"

PLACE:

S.L.

DATE:

Master Negative #

91-80318-6

COLUMBIA UNIVERSITY LIBRARIES
PRESERVATION DEPARTMENT

BIBLIOGRAPHIC MICROFORM TARGET

Original Material as Filmed - Existing Bibliographic Record

88M52
DS

TS‡ereteli, Grigorii Filimonovich, 1870- tr.
Menander, of Athens. (Samia. Russian. Tsereteli)
Комедія Менандра "Саміанка".
p. (237)-277. 23cm.

Caption title.
Volume of pamphlets.

Restrictions on Use:

TECHNICAL MICROFORM DATA

FILM SIZE: 35mm REDUCTION RATIO: 11
IMAGE PLACEMENT: IA IIA IB IIB
DATE FILMED: 4-2-91 INITIALS M.B.
FILMED BY: RESEARCH PUBLICATIONS, INC WOODBRIDGE, CT

AIIM

Association for Information and Image Management
1100 Wayne Avenue, Suite 1100
Silver Spring, Maryland 20910
301/587-8202

Centimeter

Inches

MANUFACTURED TO AIIM STANDARDS
BY APPLIED IMAGE, INC.

КОМЕДІЯ МЕНАНДРА

„Саміанка“.

Среди пьесъ Менандра, открытыхъ Лефевромъ [1]), четвертое мѣсто по порядку занимаетъ та комедія, которой издатели дали названіе „Σαμία“. Правда, въ рукописи заглавія пьесы не сохранилось, но тѣмъ не менѣе предположеніе издателей вполнѣ правдоподобно. Во-первыхъ, въ репертуарѣ Менандра дѣйствительно существовала комедія „Σαμία“ [2]), во-вторыхъ, роль, которую играетъ въ нашей пьесѣ женщина съ Самоса, очень значительна, и въ-третьихъ, эта женщина, именуемая Хрисидой (Χρυσίς), два раза обозначается словомъ „*Саміанка*“ (стихи 50 и 139). Такимъ образомъ, данныхъ для фиксированія ново-найденной пьесы опредѣленнымъ заглавіемъ вполнѣ достаточно, причемъ эти данныя какъ будто не исключаютъ возможности того, что пьеса, съ которой мы имѣемъ дѣло, есть, дѣйствительно, „Σαμία“ Менандра.

Комедія дошла до насъ не въ полномъ видѣ: мы располагаемъ приблизительно одной ея третью, заключающей въ себѣ 342 стиха, которые распредѣляются между тремя актами. Отсюда ясно, что составить себѣ наглядное представленіе о детальномъ ходѣ дѣйствія мы не можемъ. Слишкомъ уже многое утеряно, да къ тому же и фабула пьесы не отличается простотой, что̀, конечно, сильно затрудняетъ попытки ея реконструкціи. Во всякомъ случаѣ, поскольку можно судить объ этомъ на основаніи текста, открывающаго собой

---

[1]) *Lefebvre*. Fragments d'un manuscrit de Ménandre, Le Caire 1907.

[2]) Отъ нея сохранился всего на всего одинъ незначительный отрывокъ. См. *Kock*. III, fr. 437: φέρε τον λιβανωτόν· σὺ δ' ἐπίθες τὸ πῦρ. τρυφᾶν. (Вмѣсто τρυφᾶν *Scaliger* предложилъ читать Τρύφη).

комедію въ ея настоящемъ видѣ, мы находимся недалеко отъ начала пьесы.

Дѣйствіе открывается сохранившимся наполовину монологомъ. Онъ имѣетъ характеръ обычнаго пролога, излагающаго тѣ событія, которыя необходимо знать зрителямъ для пониманія дальнѣйшаго. Но одновременно съ этой ролью путеводителя монологъ заключаетъ въ себѣ искусно скрытую завязку, благодаря которой зритель сразу попадаетъ въ самый центръ дѣйствія, именно завязкой и вызываемаго къ жизни.

Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что этотъ монологъ, частью котораго мы располагаемъ, стоялъ въ самомъ началѣ пьесы, на манеръ того, какъ бываетъ это у Аристофана, Плавта и Теренція [1]), не говоря уже объ Евриндѣ. Съ формальной стороны подобное начало комедіи было бы вполнѣ естественнымъ, но не менѣе естественнымъ дѣлается оно и послѣ оцѣнки монолога со стороны его содержанія. И дѣйствительно, въ монологѣ такъ ясно и такъ широко затрагиваются тѣ пункты, которые могли бы дать поводъ къ составленію особыхъ, самостоятельныхъ сценъ, что трудно предположить, чтобы такія сцены или, вѣрнѣе, сцена на самомъ дѣлѣ предшествовали монологу: ему пришлось бы тогда въ бо̀льшей или меньшей степени повторять ихъ содержаніе, что̀ совсѣмъ не соотвѣтствовало бы манерѣ Менандра, насколько мы ее знаемъ. Вѣдь у Менандра каждая новая сцена всегда приноситъ съ собой данныя, до той поры еще не бывшія въ употребленіи, и никогда—это было бы не сценично! — не повторяетъ она того, о чемъ уже говорилось. Итакъ, мнѣ кажется, наша пьеса начиналась съ пролога, имѣющаго монологическую форму. Часть этого пролога-монолога дошла до насъ, но начало его утеряно, причемъ вмѣстѣ съ нимъ утеряно и заглавіе пьесы, равно какъ ея ὑπόθεσις и списокъ дѣйствующихъ лицъ, т. е. все то, что сохранилось отъ другой комедіи Менандра „Ἥρως“ и что занимаетъ въ рукописи одинъ листъ, т. е. двѣ страницы. Но если принять во вниманіе расположеніе письма въ кодексѣ (число

[1]) *Б. В. Варнеке*, Новыя комедіи Менандра (Казань 1909), 101; *Leo*, Der neue Menander (= *Hermes*, 43, 161); *Leo*, Der Monolog im Drama (Berlin 1908), 79, прим. 2. Иначе *Робертъ* (Der neue Menander, 6 sqq.), который относитъ монологъ къ серединѣ второго дѣйствія, и *van Leeuwen*, Menandri fragmenta (Leiden 1908), 118, который тоже считаетъ, что не хватаетъ всего перваго акта. Ср. также *van Leeuwen*, Menander (= *Mnemosyne*, 37 [1909], 120), гдѣ онъ повторяетъ свое мнѣніе.

строкъ на каждой страницѣ колеблется между 35—37), то на долю утерянной части пролога (за вычетомъ ὑπόθεσις и списка дѣйствующихъ лицъ) пришлось бы около 50 стиховъ, которые и открывали собой комедію въ ея настоящемъ, полномъ видѣ [1]).

Попробуемъ теперь, поскольку это возможно, установить общую ситуацію, частью на основаніи данныхъ текста, частью же на основаніи простыхъ предположеній, которыя кажутся намъ вѣроятными. Аѳинянинъ Демея, человѣкъ пожилой, богатый и слабохарактерный сожительствуетъ съ Хрисидой, уроженкой острова Самоса, которую нѣкогда онъ спасъ отъ нищеты (ст. 163—164) и къ которой чувствуетъ глубокую привязанность. Но не меньшимъ расположеніемъ съ его стороны пользуется и его пріемный сынъ Мосхіонъ, юноша тихій и скромный, какъ будто непохожій на тѣхъ молодыхъ людей, которые проводятъ время среди кутежей и гетеръ. Демеѣ, такимъ образомъ, не приходится жаловаться на судьбу: все ему улыбается, и онъ, не чувствуя недостатка въ деньгахъ, не чувствуетъ себя обиженнымъ и съ точки зрѣнія счастья. Но есть у Демеи сосѣдъ, по имени Никератъ, человѣкъ грубый, мало образованный, не обладающій большими средствами, да сверхъ того, строгій ревнитель старыхъ завѣтовъ, которые крѣпки въ немъ несмотря на городскую обстановку, къ нимъ не располагающую.

Въ дочь этого Никерата, Планго̀, и влюбляется Мосхіонъ. Очень скоро любовь молодыхъ людей переходитъ за границы дозволенныхъ отношеній, и Планго̀ оказывается матерью, о чемъ, впрочемъ, не знаютъ ни Демея, ни Никератъ, ибо молодымъ людямъ удалось (съ помощью жены Никерата?) скрыть отъ отцовъ свою близость. Между тѣмъ одновременно съ рожденіемъ ребенка у Планго̀, родится, надо думать, дитя и у Хрисиды. Сначала Демея не хочетъ оставлять его у себя въ домѣ, но Хрисида настаиваетъ (ср. стихи 63—64), и въ концѣ концовъ ей удается сдѣлать по своему: ребенокъ остается у нея на рукахъ! Однако вскорѣ (вѣроятно, въ отсутствіе Демеи) онъ умираетъ (?), и тогда Мосхіонъ, съ вѣдома старой няни и довѣреннаго раба Парменона (ср. ст. 34, 39, 307) переноситъ свое дитя въ домъ отца и вручаетъ его Хрисидѣ, которая берется выдавать его за свое собственное и кормить до тѣхъ поръ, пока измѣнившіяся

[1]) См. *Lefebvre*, o. c. 143, 1, а также *Leo*, o. c. 161. Наблюденія *Körte*, изложенныя имъ въ статьѣ „Zu dem Menander-Papyrus im Kairo“ (= *Berichte über die Verhandlungen der K. Sächs. Ges. der Wiss. zu Leipzig*. Phil.-hist. Kl. LX, 114), повидимому, не мѣшаютъ взгляду Лефебвра.

обстоятельства не помогутъ уладить дѣла. А обстоятельства тѣмъ временемъ дѣйствительно измѣнились. Повидимому, или Демея, замѣтивъ склонность Мосхіона къ Планго̀, надумалъ въ концѣ концовъ женить сына, или же самъ Мосхіонъ сдѣлалъ въ этомъ направленіи какіе-нибудь шаги передъ отцомъ,—во всякомъ случаѣ дѣло сложилось такъ, что бракъ молодыхъ людей сталъ возможнымъ. Каковы бы ни были тѣ частности, которыя привели къ этому, можно все-таки предполагать, что Демея, убѣдившись въ любви сына къ дѣвушкѣ (ср. ст. 120—121), вступилъ въ переговоры съ Никератомъ, которые и увѣнчались полнымъ успѣхомъ: Никератъ согласился на выдачу дочери замужъ, и оставалось только приниматься за приготовленія къ свадьбѣ. Такимъ образомъ, до этого момента все шло гладко, причемъ довольны были отцы, но не менѣе довольны и дѣти.

Все мною изложенное является предшествующимъ тому, съ чего начинается дѣйствіе, причемъ, если вѣрно, что пьеса открывалась монологомъ, то многое изъ сказаннаго и находилось какъ разъ въ его утраченной части.

Когда мы впервые знакомимся съ Демеей, мы видимъ передъ собой уже не прежняго благодушнаго человѣка, довольнаго своей судьбой и вѣрящаго до самозабвенія въ своихъ близкихъ. Демея выходитъ на сцену взволнованнымъ, поколебленнымъ въ своихъ недавнихъ мечтахъ, выходитъ для того, чтобы передъ лицомъ зрителей повѣдать про тѣ бѣды, которыя неожиданно стряслись надъ нимъ. Мысли одна другой чернѣе охватываютъ его голову; одно подозрѣніе вызываетъ за собой другое; силъ, чтобы стряхнуть и разсѣять ихъ, нѣтъ,—однимъ словомъ, передъ нами — выбитый изъ колеи человѣкъ, не знающій, что̀ ему дѣлать и какъ съ собой справиться. Но съ чего же начались всѣ бѣдствія Демеи? Да съ того, что онъ сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ неясныхъ словъ старой няни Мосхіона, словъ, изъ которыхъ онъ узналъ, что дитя, кормимое Хрисидой, принадлежитъ не ему, а Мосхіону. Отсюда и пошли всѣ его подозрѣнія, причемъ благодаря незнанію настоящаго положенія дѣлъ, Демея думаетъ, что онъ стоитъ передъ уродливымъ фактомъ сожительства сына съ любовницей отца. Само собой разумѣется, онъ приходитъ въ ужасъ. Но этотъ ужасъ Демеи кажется намъ вполнѣ понятнымъ и естественнымъ. Равнымъ образомъ, и завязка дѣйствія на почвѣ недоразумѣнія, вызваннаго недостаточной освѣдомленностью заинтересованнаго лица, не заключаетъ въ себѣ ничего натянутаго. Наоборотъ, она въ высшей степени драматична и красива, а наивный разсказъ

Демеи о недавнихъ приготовленіяхъ къ брачному торжеству, въ которыхъ старикъ изъ любви къ сыну принималъ личное участіе и среди которыхъ онъ и узналъ поразившую его подробность, звучитъ очень трогательно и отличается рѣдкой наглядностью.

Итакъ, та самая богиня Невѣдѣнія (Ἄγνοια), которую мы видимъ въ „Περικειρομένη“, незримо вступаетъ въ свои права и въ „*Саміанкѣ*“, и только благодаря ея вмѣшательству, начинается все то, свидѣтелями чего мы дѣлаемся въ пьесѣ. Поэтому къ Демеѣ, которому какъ разъ принадлежитъ роль лица, вызывающаго дальнѣйшія нежелательныя событія, вполнѣ примѣнимы слѣдующія слова богини: „все это раздуто ради будущаго... для того, чтобы постепенно все вышло наружу. А потому, если кто-нибудь изъ васъ не доволенъ происходящимъ, пусть онъ измѣнитъ свой взглядъ. Вѣдь съ Божьей помощью и худое можетъ иногда привести къ хорошему“!

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА [1]).

Демея, отецъ Мосхіона, богатый старикъ.

Парменонъ, рабъ Демеи, довѣренное лицо Мосхіона.

Поваръ.

Хрисида, любовница Демеи, бывшая гетера, родомъ съ Самоса.

Никератъ, отецъ Планго̀, возлюбленной Мосхіона, старикъ.

Мосхіонъ, сынъ Демеи, юноша.

Статисты: старая няня Мосхіона,
„ поваренокъ,
„ рабъ Никерата.

Хоръ: состоитъ изъ пріятелей Мосхіона, приходящихъ къ нему на свадьбу. Особыхъ партій хоръ не имѣетъ. Онъ выступаетъ только въ концѣ каждаго дѣйстія, въ качествѣ музыкальной интермедіи.

(Дѣйствіе пьесы происходитъ въ Аѳинахъ).

---

[1]) Переводъ сдѣланъ по *J. van Leeuwen*, Menandri fragmenta, 2 ed., Leiden 1908.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ (?)

[Демея выходитъ изъ своего дома. Онъ чѣмъ-то взволнованъ и разстроенъ. По его виду можно судить, что съ нимъ случилась какая-то непріятность].

Демея.

Вернулся я домой и, ну, что было мочи,
Для свадьбы хлопотать! Домашнимъ въ двухъ словахъ
Я дѣло выяснилъ, велѣлъ все подготовить,
Что нужно: домъ прибрать, пирогъ испечь, ячмень
Въ корзину высыпать... Работа закипѣла... 5
Отъ спѣшки поднялась, извѣстно, кутерьма...
Захныкало дитя,—его, чтобъ не мѣшало,
Кидаютъ на кровать. А челядь сразу вся
Кричитъ: „муки, воды! гдѣ уголья, гдѣ масло?“
Я самъ велъ выдачу, я помогалъ слегка. 10
И вотъ пришлося мнѣ спуститься въ кладовую.
Тамъ я замѣшкался: хотѣлъ побольше я
Припасовъ захватить, да съ выборомъ, конечно.
Сижу я въ кладовой, а сверху въ этотъ мигъ
Вдругъ сходитъ женщина какая-то, спускаясь 15
Въ ту комнату, что будетъ рядомъ (тамъ у насъ
Прядильня, изъ нея-жъ есть выходъ въ кладовую
И лѣстница наверхъ). Та женщина была
Когда-то мамкою Мосхіона, рабыней,
Ну, а теперь она свободна... Увидавъ 20
Ребенка—плакалъ онъ, валяясь безъ призора—
Она, не вѣдая, что самъ я—въ кладовой,
Рѣшила, что болтать ей можно безъ опаски.
Къ ребенку подойдя, старуха и начни
Обычныя слова: „малюточка, голубчикъ, 25
Сокровище мое! Гдѣ мама-то твоя?“
Цѣлуетъ старая ребеночка, качаетъ...
Когда же пересталъ онъ плакать, про себя
Она и говоритъ: „Обидѣли старуху!
Мосхіонъ-то,—давно-ль такимъ же крошкой былъ! 30

Небось, умѣла я его ласкать, да няньчить,
А нынче, какъ онъ самъ сынкомъ обзавелся,
<Я, вишь, и не нужна>, другой <дитя вручили!>
. . . . . .
. . . . . [1]) 35
Рабыня въ этотъ мигъ вбѣгаетъ со двора.
Старуха ей: „Стыдись! Хоть вымойте ребенка!
Про малаго забыть, когда его отецъ
Вступаетъ въ бракъ,—суди, ну, статочное-ль дѣло?“
А та въ отвѣтъ: „Балда! Чего звонишь во всю? 40
Вѣдь самъ-то здѣсь“.—„Гдѣ здѣсь“?—„А вотъ гдѣ: въ кладовушкѣ“.
И сразу о другомъ она заводитъ рѣчь:
„Иди-ка, нянюшка, тебя зовутъ... скорѣе“.
И тутъ же шепотомъ: „не слышалъ!“—„Въ добрый часъ!
А то, вишь грѣхъ какой: на горе разболталась“. 45
Сказала старая и изъ прядильни вонъ.
Я вышелъ вслѣдъ за ней, совсѣмъ такимъ, какъ прежде
Вошелъ,—спокойно, тихо, будто ничего
Не слышалъ, не узналъ, а на дворѣ встрѣчаю
Саміанку: она, когда я мимо шелъ, 50
Давала крошкѣ грудь... Но, значитъ, этотъ крошка
И впрямь ея сынокъ. А кто же былъ отцомъ?
Я или... Нѣтъ, о нѣтъ, такихъ вещей не буду
Я говорить, повѣрьте,—даже думать такъ
Не въ силахъ я совсѣмъ... Я разсказалъ вамъ только 55
О томъ, что слышалъ самъ... Я вовсе не сержусь
На сына: я его, клянусь богами, знаю.
Онъ—скромникъ у меня! Такимъ всегда онъ былъ,
Ну, и почтительнымъ, какъ сыну подобаетъ.
Но лишь припомню я, что старая была 60
Когда-то нянею Мосхіона, что тайной
Она обзавелась, да какъ взгляну потомъ
На любящую мать, что крошку отстояла
Наперекоръ всему,—я, право, самъ не свой!

---

[1]) Не хватаетъ двухъ стиховъ съ небольшимъ. Надо думать, что они заключали въ себѣ дальнѣйшія причитанія старухи на тему о томъ, какой образцовой няней была она и какой невнимательной оказалась предпочтенная ей женщина.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

[На сценѣ показывается рабъ Парменонъ, держащій на плечахъ корзину, наполненную провизіей. Его сопровождаетъ поваръ съ поваренкомъ, которыхъ онъ подрядилъ на рынкѣ для приготовленія параднаго обѣда].

Демея (про себя).

Ага! Мнѣ повезло! Идетъ Парменонъ съ рынка. 65
Сейчасъ онъ будетъ здѣсь... А впрочемъ подождемъ!
Пусть повара сперва онъ доведетъ до дома. (Отходитъ въ сторону).

Парменонъ.

Эй, поваръ! Все еще ты мелешь языкомъ?
Ну, и къ чему съ собой таскать ножи? Ты въ силахъ
Зарѣзать безъ ножа!

Поваръ.

Тебя бы я не прочь [1]), 70
Дуракъ!

Парменонъ.

Ужъ и дуракъ?

Поваръ.

Да что-то въ этомъ родѣ.
Балясы что-ль точу, коль спрашиваю, сколько
Накрыть столовъ, да много-ль женщинъ ждешь,
Да скоро ли обѣдъ, да нужно-ль раздобыться
Распорядителемъ, да хватитъ ли у васъ 75
Посуды всяческой, да есть ли въ кухнѣ крыша,
Да все ли на лицо?

Парменонъ.

Любезный! Рѣжешь ты
Не какъ-нибудь,—меня ты рознялъ на кусочки,
Не замѣчая самъ.

---

[1]) При переводѣ ст. 70 сл. я слѣдовалъ коньектурѣ Mazon. См. *Bodin—Mazon*, Extraits d'Aristophane et de Ménandre (Paris 1908), 322.

Поваръ.

Эхъ, попадетъ!

Парменонъ.

Тебѣ-жъ
Достанется за все! Ну, живо въ домъ! (Поваръ съ поваренкомъ входятъ въ домъ, Парменонъ хочетъ идти за ними).

Демея.

Парменонъ! 80

Парменонъ (оборачиваясь).

Кто тамъ зоветъ?

Демея (благодушно).

Да я!

Парменонъ.

А здравствуй, господинъ!

Демея (мѣняя тонъ).

Корзину съ плечъ долой и маршъ сюда!

Парменонъ.

Охотно!

Демея (про себя).

Отъ этого, небось, не скроешь ни одной
Изъ здѣшнихъ тайнъ. Вѣдь онъ получше насъ умѣетъ
Въ чужое носъ совать... Вотъ къ дому подошелъ 85
И стукнулъ въ дверь!

Парменонъ (передавая корзину, говоритъ въ дверь).

Исполни все, Хрисида,
Что нужно повару, да нянюшку держи
Ты отъ бутылочки подальше... (не отходя отъ двери къ Демеѣ).
Что прикажешь
Мнѣ, господинъ?

ДЕМЕЯ.

Что прикажу? Отъ двери прочь!
Сюда... поближе!

ПАРМЕНОНЪ (медленно приближаясь).

Здѣсь!

ДЕМЕЯ (съ дѣланной мягкостью).

Послушай-ка, Парменонъ. 90
Всей дюжиной боговъ клянусь, что я тебя—
На то причины есть!—драть не хочу!

ПАРМЕНОНЪ (струсивъ).

Помилуй!
Меня, да драть? За что?

ДЕМЕЯ.

За то, что тайну скрылъ.

ПАРМЕНОНЪ.

Діонисъ, Аполлонъ, спаситель Зевсъ, Асклипій,—
Я вами поклянусь, что тайны не скрывалъ! 95

ДЕМЕЯ.

Молчи! Не надо клятвъ! Ты словъ моихъ не понялъ.

ПАРМЕНОНЪ (жалобно).

А коли вру, пусть мнѣ—

ДЕМЕЯ (внушительно).

Смотри въ глаза.

ПАРМЕНОНЪ.

Смотрю.

ДЕМЕЯ.

Ребеночекъ нашъ... чей?

ПАРМЕНОНЪ (теряясь).

Ребенокъ... чей ребенокъ?

ДЕМЕЯ.

Ну да! Кто мать ему?

ПАРМЕНОНЪ.

Хрисида.

ДЕМЕЯ.

Кто отецъ?

ПАРМЕНОНЪ.

Конечно, ты!

ДЕМЕЯ.

Подлецъ! Ты смерти стоишь!

ПАРМЕНОНЪ.

Смерти? 100

ДЕМЕЯ.

Давно я знаю все,—доподлинно. Мосхіонъ—
Отецъ малюточки, ты—съ сыномъ заодно,
А барынька,—ну, та раститъ *свое* отродье!

ПАРМЕНОНЪ.

Кто *это* наболталъ?

ДЕМЕЯ.

Ты не виляй. Отвѣть:
Мосхіонъ,—да?

ПАРМЕНОНЪ.

Ты—правъ. Но дальше я ни слова! 105

ДЕМЕЯ.

Ни слова?—Гей рабы! Плетей сюда, чтобъ драть
Пройдоху этого.

ПАРМЕНОНЪ.

Не надо, ради бога!

ДЕМЕЯ.

Порукой Гелій мнѣ, что будешь ты съ клеймомъ.

Парменонъ.

Ты заклеймишь... меня?

Демея.

Ну, да.

Парменонъ.

Пропалъ я, бѣдный! (Убѣгаетъ).

Демея.

Стой, каторжникъ! Куда? Лови его!—О градъ
Кекроповой страны, о ты, эѳиръ далекій! (Спохватываясь).
Демея, перестань! Чего вопишь, дуракъ?
Сдержись, мущиной будь! Передъ тобой Мосхіонъ
Не виноватъ ни въ чемъ... Быть можетъ, рѣчь моя
Звучитъ рисковано, но, господа, въ ней—правда!
Вѣдь если бы мой сынъ свершилъ поступокъ свой
Въ угоду прихоти, терзаемый любовью,
Иль злобясь на меня,—не могъ бы мыслить онъ
По старому и мнѣ повиноваться кротко.
Но нынѣ предо мной онъ оправдался: вѣсть
О бракѣ принялъ онъ изъ устъ моихъ съ восторгомъ,
Не потому, чтобъ страсть владѣла имъ, какъ мнѣ
Сначала думалось: изъ рукъ моей Елены
Хотѣлъ онъ вырваться: всему она виной!
Навѣрняка, мой сынъ былъ выпивши, собою
Владѣть уже не могъ,—тутъ соблазнить легко!
Не мало дѣлъ такихъ творитъ вино да юность,
Коль случай выпадетъ!—Но чтобъ вредить своимъ!
Гдѣ-жъ это видано? Повѣрить даже трудно,
Чтобъ кроткій, да къ чужимъ внимательный, мой сынъ
Мнѣ гадость учинилъ. Но скажутъ: онъ—пріемышъ,
Онъ не родной сынокъ... Да будь онъ десять разъ
Пріемышемъ и все-жъ... Мнѣ правъ его извѣстенъ!
Зато *она*—дрянцо, впрямь уличная шваль!
И пусть себѣ! Вѣдь ей не провести Демею!
Ну, будь мущиной ты, страсть заглуши, простись
Съ любовью и таи, по скольку хватитъ силы,
Несчастье про себя,—для сына, а ее,

Исчадье Самоса, ты вышвырни изъ дома,
Тормашкой вверхъ, къ чертямъ, какъ будто бы за то,
Что крошку сберегла, о прочемъ же ни слова!
Нѣтъ, губы закуси, скрѣпись, героемъ будь!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

[Въ то время, какъ Демея, произнеся послѣднія слова, направляется, ничего не замѣчая, весь погруженный въ свои мысли, къ дому, изъ послѣдняго выходитъ поваръ и въ шутливомъ тонѣ обращается къ идущему за нимъ поваренку].

Поваръ.

Слышь, малый, у дверей Парменонъ былъ,—не такъ ли?
А вотъ и нѣтъ его! Молодчикъ улизнулъ,
Хозяйскаго добра съ собою прихвативши.

Демея (вбѣгая въ домъ и отталкивая повара).

Съ дороги прочь!

Поваръ.

Гераклъ! Что это, малый,—а?
Вломился въ домъ старикъ: съ ума онъ, видно, спятилъ!
Иначе-бъ не бурлилъ!—Ну что мнѣ дѣлать тутъ? (изъ дома доносятся крики Демеи)
Сдается мнѣ, старикъ рехнулся. Посидономъ
Клянусь, что это—такъ! Ужъ больно онъ кричитъ!
Вотъ будетъ хорошо, коль вся посуда ляжетъ,
Попавшись подъ ноги, въ лоскъ передъ нимъ! Гремитъ
Дверями онъ. Провалъ тебя возьми, Парменонъ.
Вишь затащилъ куда!—Къ сторонкѣ отойду! (Уходитъ).

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

[Изъ дома поспѣшно выходитъ Демея. За нимъ слѣдуетъ Хрисида съ ребенкомъ на рукахъ и старуха, няня Мосхіона.]

Демея (продолжая разговоръ).

Не слышишь? Вонъ пошла!

Хрисида.

Куда мнѣ дѣться бѣдной?

ДЕМЕЯ.

Къ чертямъ!

ХРИСИДА (сквозь слезы).

Ой, лихо мнѣ!

ДЕМЕЯ (съ горечью).

Да лихо,—это такъ!
Разжалобить слезой не хочешь ли? Заставлю
Тебя покончить...

ХРИСИДА.

Съ чѣмъ?

ДЕМЕЯ (сдерживаясь).

Ни съ чѣмъ! Есть у тебя
Старуха и дитя. Проваливай, да живо!

ХРИСИДА.

Ты гонишь за дитя?

ДЕМЕЯ.

Попала въ самый разъ!

ХРИСИДА.

Неужто? Это-ль—грѣхъ? Тебя не понимаю!

ДЕМЕЯ.

Ты не умѣла жить въ довольствѣ...

ХРИСИДА.

Что съ тобой?
Я не умѣла жить?

ДЕМЕЯ.

Небось, сюда, Хрисида,
Ты въ рубищѣ пришла,—не помнишь?—да въ какомъ!

ХРИСИДА.

Что-жъ изъ того?

ДЕМЕЯ.

Когда дѣлишки были плохи,
Я для тебя былъ всѣмъ...

ХРИСИДА.

А нынче?

ДЕМЕЯ.

Не болтай!
Все было у тебя. Тебѣ я предоставилъ
И платье и рабынь и золото.—Пошла! (отходитъ въ сторону).

ХРИСИДА (про себя).

Припадокъ гнѣва съ нимъ. Дай подойду сторонкой! (ласково).
Послушай, дорогой!

ДЕМЕЯ.

Чего тебѣ?

ХРИСИДА.

Не мучь!

ДЕМЕЯ.

Другая женщина возлюбитъ всей душою
Мой кровъ и за меня помолится богамъ!

ХРИСИДА.

Что это значитъ?

ДЕМЕЯ.

Ты обзавелась сыночкомъ,
Ты получила все!

ХРИСИДА.

Да вовсе нѣтъ, коль сынъ
Гнететъ тебя!

ДЕМЕЯ.

Скажи еще одно словечко,—
Вмигъ съѣзжу по башкѣ... И будетъ подѣломъ!

Хрисида.

Смотри: я въ домъ вхожу! (поворачивается къ дому).

Демея.

Какъ важно! По заслугамъ
Оцѣнишь ты себя лишь въ городѣ. Вѣдь тамъ
Всего за десять драхмъ бѣгутъ на пиръ гетеры,
Подобныя тебѣ, и безъ просыпу пьютъ, 180
Пока не глянетъ смерть, а коли не успѣютъ
Скончаться во-время,—то впроголодь сидятъ!
Познаешь это ты не хуже, чѣмъ другія,
И лишь тогда поймешь, кто ты и чѣмъ грѣшна!
Стой, гдѣ стоишь! (Уходитъ въ домъ и закрываетъ за собой дверь).

Хрисида.

Увы! Горька моя судьбина! (Плачетъ). 185

ЯВЛЕНІЕ ПЯТОЕ.

[Входитъ Никератъ, возвращающійся изъ города. Онъ направляется къ своему дому, а за нимъ слѣдуетъ рабъ, который ведетъ тощую овцу].

Никератъ.

Овечка въ самый разъ для жертвы подойдетъ
Богинямъ и богамъ: у ней есть кровь, раздута
Въ ней селезенка, печень хороша, костей,—
Ну, тѣхъ, хоть отбавляй,—все, значитъ, есть, что нужно
Для Олимпійцевъ,—да! Друзей же угощу 190
Я... шкуркой, на куски ее разрѣзавъ: шкурка
Вѣдь это—мой удѣлъ! (Замѣчаетъ Хрисиду).
Гераклъ! Что вижу я?
Хрисида, у дверей, въ слезахъ! Она ли это?
Она и есть! (Обращаясь къ Хрисидѣ).
Что тамъ стряслось?

Хрисида (плача).

А то, что выгналъ
Меня твой другъ хваленый. Вотъ и все!

Никератъ (пораженный).

Гераклъ! 195
Неужто? Онъ? Демея?

Хрисида.

Онъ.

Никератъ.

За что?

Хрисида.

За сына.

Никератъ.

Да, сказывали мнѣ жена и дочь, что ты—
Вишь угорѣлая!—дитя взяла и кормишь. (Съ ироніей).
Что-жъ это твой добрякъ?

Хрисида.

Сперва не злился онъ,
А тамъ, повременивъ, и распалился гнѣвомъ, 200
Внезапно. Самъ суди: онъ отдалъ мнѣ приказъ
Все въ домѣ честью-честь для свадьбы подготовить.
Я занялась. Вдругъ онъ—рехнулся, знать!—вбѣжалъ
И... выгналъ изъ дому. (Снова начинаетъ рыдать).

Никератъ.

Демея? Видно спятилъ!

Словами Никерата обрывается въ рукописи первый фрагментъ пьесы и вмѣстѣ съ тѣмъ первый актъ въ его настоящемъ, неполномъ видѣ. Впрочемъ, мнѣ кажется, что послѣ бесѣды Хрисиды съ Никератомъ дѣйствіе врядъ ли могло затягиваться на долгое время. Повидимому, не хватаетъ очень немногаго, а именно, конца разговора, который долженъ былъ приводить къ тому, что Никератъ на зло Демеѣ предлагалъ Хрисидѣ пріютъ въ своемъ домѣ. Что дѣло обстояло дѣйствительно такъ, и что Хрисида, временно оставшаяся безъ пристанища, находила его затѣмъ именно у Никерата, видно изъ третьяго дѣйствія, гдѣ раздраженный Никератъ въ свою очередь гонитъ Хрисиду изъ *своего* жилища.

Однимъ словомъ, я рисую себѣ возможное окончаніе перваго акта слѣдующимъ образомъ: Никератъ, который въ своемъ разговорѣ съ Хрисидой не разъ выражалъ неодобреніе поступку Демеи, слывшаго до той поры за человѣка благодушнаго и мягкаго, подъ конецъ обращался къ дѣвушкѣ со словами утѣшенія и гостепріимно открывалъ передъ ней двери своего дома, приглашая устроиться тамъ съ ребенкомъ и старухой, няней Мосхіона. Въ моментъ этого перехода изгнанницы съ одного пепелища на другое появлялся, повидимому, хоръ, изображавшій изъ себя пріятелей Мосхіона, пришедшихъ къ своему другу на свадьбу. Подобное появленіе хора находило бы себѣ аналогію въ первомъ актѣ „Περικειρομένη", гдѣ тоже въ моментъ переѣзда Гликеры въ домъ Миррины появляется хоръ въ видѣ ватаги подвыпившихъ молодыхъ людей, пріятелей Полемона (ср. ст. 71—73). Наконецъ, вторую аналогію я не прочь былъ бы усматривать и въ томъ фрагментѣ Менандра, который опубликованъ В. К. Ерштедтомъ и въ которомъ дѣйствующія лица тоже спѣшатъ войти въ домъ, чтобы избѣжать столкновенія съ толпой юношей, подъ видомъ которыхъ вступалъ въ этотъ моментъ въ орхестру (?) хоръ [1]). Отсюда ясно, что подобныя заключенія первыхъ (?) актовъ были обычны у Менандра, а потому и наше предположеніе не заключаетъ въ себѣ ничего невозможнаго. Итакъ, я хотѣлъ бы думать, что первое дѣйствіе „*Саміанки*" замыкалось восклицаніемъ Никерата, указывающаго Хрисидѣ на приближеніе юнцовъ и совѣтующаго поскорѣе спасаться отъ нихъ въ домъ. Таковымъ, значитъ, былъ бы въ моемъ представленіи конецъ перваго акта, который съ полнымъ правомъ можно было бы назвать „актомъ недоразумѣній".

Лакуна, которая слѣдуетъ въ рукописи за словами Никерата: Δημέας; χολᾶ (ст. 201), могла равняться [2]) maximum двумъ листамъ, т. е. восьми страницамъ. Но такъ какъ на каждой страницѣ число строкъ не бываетъ меньше 35 (см. выше), то, значитъ, до начала второго фрагмента пьесы не хватаетъ круглымъ счетомъ 280 стиховъ. Небольшое количество этихъ стиховъ будетъ падать на конецъ перваго акта, а вся остальная масса придется на долю тѣхъ сценъ, которыя шли за первымъ актомъ, какъ части одного или двухъ дѣйствій.

---

[1]) Порфирьевскіе отрывки, 217.

[2]) См. по этому поводу *A. Körte*, Zu dem Menander-Papyrus in Kairo (= *Berichte d. K. sächs. Ges. d. Wiss. zu Leipzig*, 60. 114), который считаетъ лакуну не превышавшей одного листа.

Эти пропавшія сцены и содержали въ себѣ изложеніе цѣлаго ряда посредствующихъ событій и подробностей, являвшихся своего рода обоснованіемъ той второй части пьесы, которая дошла до насъ и которая начинается ст. 202: ἀλλὰ πάλιν ἐλθὼν—τὸ δεῖνα,—μικρόν, ὦ τᾶν. Благодаря полному отсутствію фрагментовъ, которые можно было бы съ нѣкоторой увѣренностью считать принадлежностью этихъ пропавшихъ сценъ, намъ въ высшей степени трудно представить себѣ, что̀ именно было ихъ содержаніемъ. Нельзя, впрочемъ, отрицать, что значительную помощь приноситъ здѣсь какъ разъ вторая часть (стихи 205 слл.), изъ которой, какъ бы отрывочна она ни была, мы можемъ усмотрѣть, что фактамъ, въ ней излагаемымъ, предшествовало прежде всего полное разубѣжденіе Демеи въ его подозрѣніяхъ (ср., напр., ст. 209). Путемъ какихъ эволюцій достигался этотъ результатъ, сказать трудно. Мы можемъ только думать на основаніи, напримѣръ, словъ Мосхіона (см. его монологъ, ст. 274—275), что у Демеи послѣ изгнанія Хрисиды происходило довольно бурное объясненіе съ сыномъ, въ результатѣ чего Демея и узнавалъ всю подноготную. Вѣдь недаромъ же Мосхіонъ говоритъ:

Когда напраслину, что на меня взводили,
Стряхнуть мнѣ удалось, обрадовался я.

Само собой разумѣется, что юноша не произнесъ бы этихъ словъ, если бы образъ дѣйствій Демеи соотвѣтствовалъ тому рѣшенію, которое онъ принялъ въ первомъ актѣ и которое онъ формулировалъ слѣдующимъ образомъ (ст. 137 сл.):

Таи, поскольку хватитъ силы,
Несчастье про себя,—для сына!

Повидимому, это благое намѣреніе такъ и осталось невыполненнымъ, равно какъ и слова (ст. 142):

Ты губы закуси, скрѣпись, героемъ будь!

Ясно, что Демея, не желавшій по-началу вмѣшивать сына въ свои подозрѣнія, затѣмъ, подъ вліяніемъ гнѣва, забывалъ о своемъ первоначальномъ планѣ и напускался съ упреками на Мосхіона, которому, чтобы защититься, приходилось волей-неволей посвятить отца во всѣ свои тайны. Возможно также, что въ своей оправдательной рѣчи Мосхіонъ входилъ и въ детальное изложеніе причинъ, заставившихъ его рѣшиться на переносъ ребенка изъ дома Никерата въ домъ Демеи, причемъ главной причиной онъ могъ выставить суровый характеръ

Никерата [1]), строгаго поборника нравственности. Какъ бы то ни было, Демея въ концѣ концовъ убѣждался въ невиновности Хрисиды и Мосхіона, которыхъ онъ напрасно задѣлъ обиднымъ подозрѣніемъ, и такимъ образомъ, пьеса постепенно входила въ фазисъ выясненій того недоразумѣнія, которое вызвало массу всевозможныхъ компликацій.

Но если Демея узнавалъ всю правду относительно фиктивнаго ребенка Хрисиды изъ устъ своего сына Мосхіона, то, повидимому, и Никерату удавалось, какимъ-то образомъ, проникнуть въ тайну своей дочери, Планго̀. По крайней мѣрѣ, когда прерванное лакуной теченіе пьесы снова возобновляется, то Никератъ уже выступаетъ передъ нами въ видѣ человѣка, обуреваемаго подозрѣніями. Правда, онъ еще не знаетъ всего происшедшаго во всей его полнотѣ. Иначе не сталъ бы Демея говорить по его адресу (ст. 224 сл.):

Остается лишь одно:
Разсказать ему, въ чемъ дѣло!

Но во всякомъ случаѣ позоръ дочери ему уже извѣстенъ, неизвѣстно только, кто былъ ея соблазнителемъ, ибо Планго̀, поддерживаемая своей матерью и Хрисидой, не говоритъ отцу имени послѣдняго (ст. 216 слл.).

Изъ перваго стиха, начинающаго второй фрагментъ пьесы (ст. 205), видно, что этотъ стихъ, вложенный въ уста Демеи, былъ отвѣтомъ на какое-то заявленіе Никерата, касающееся какъ разъ упорства женщинъ, причемъ Демея, не желающій до поры до времени открывать глаза своему другу, совѣтуетъ ему соблюдать спокойствіе и дѣйствовать осторожно. Отсюда ясно, что сцена, предшествовавшая стиху 205, содержала въ себѣ бесѣду Демеи и Никерата на тему о томъ, что̀ случилось въ домѣ послѣдняго. Надо думать, что Никератъ, не зная, что Демеѣ все извѣстно, жаловался ему на дочь, на то, что она опозорила своего отца, а также высказывалъ опасенія и по поводу того, что проектированный раньше бракъ между Планго̀ и Мосхіономъ сдѣлается теперь невозможнымъ. Впрочемъ, каковы бы ни были подробности этой бесѣды Демеи и Никерата, ясно одно, а именно, что Демея долженъ былъ успокаивать своего друга и стараться какъ-нибудь уладить дѣло миромъ. Въ виду несдержаннаго и грубаго характера Никерата (ср. отзывъ о немъ Демеи, ст. 208) такой образъ дѣйствій Демеи былъ единственно возможнымъ и разумнымъ. Но оскорбленный въ своихъ чувствахъ и взглядахъ Никератъ былъ не-

[1]) Ср. *Bodin—Mazon*, Extraits d'Aristophane et de Ménandre (Paris. 1908). 318.

доступенъ голосу разсудка. Поэтому, несмотря на совѣты пріятеля, онъ все-таки давалъ волю своему гнѣву, и результатомъ послѣдняго и является все то, о чемъ говорятъ намъ послѣдующія сцены комедіи, отнесенныя мной предположительно къ третьему дѣйствію.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ (?).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ (?).

[На сценѣ Демея и Никератъ, занятые оживленной бесѣдой. Подъ вліяніемъ бесѣды Никератъ постепенно приходитъ въ волненіе, которое все усиливается. Демея старается успокоить друга, но это ему не удается].

Демея (удерживая Никерата).

Снова въ домъ войдя, ты, этакъ, помаленьку...

Никератъ (вырываясь).

Сгибло все! 205
Все къ концу идетъ, на смарку! (Бросается къ себѣ въ домъ).

Демея.

Зевсомъ я клянусь, что онъ,
Какъ узнаетъ, въ чемъ тутъ дѣло, забушуетъ, заоретъ.
Онъ вѣдь грубъ, свинья свиньею, такъ и лѣзетъ напроломъ!
Надо-жъ было мысли дикой мнѣ втемяшиться въ башку!
Эхъ, клянусь самимъ Гефестомъ, смерти стою̀ я! (Прислушивается).
Гераклъ! 210
(Изъ дома доносятся крики Никерата).
Что онъ крикнулъ? Не ошибся: онъ велитъ подать огня!
Онъ грозитъ ребенка сжарить и Хрисиду накормить
Мясомъ крошки!—Дверью хлопнулъ! (На порогѣ показывается Никератъ).
Предо мной не человѣкъ,—
Ураганъ какой-то, буря!

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

[Изъ дома, самъ себя не помня отъ гнѣва и волненія, выходитъ Никератъ. Словно не понимая, что̀ онъ дѣлаетъ, онъ направляется къ Демеѣ, который смотритъ на него съ ужасомъ].

Никератъ.

Слышь, Демея, на меня

Поднялась твоя Хрисида... строитъ козни...

Демея.

Богъ съ тобой! 215

Никератъ.

Дочь, жену она склонила не сдаваться мнѣ ни въ чемъ,
При себѣ ребенка держитъ, мнѣ на зло, да говоритъ:
„Не отдамъ".—Не удивляйся, если я своей рукой
Съ этой бабою расправлюсь!

Демея.

Ты сказалъ: „своей рукой?"

Никератъ.

Но она всѣ тайны знаетъ! (Хочетъ войти къ себѣ въ домъ).

Демея.

Никератъ, смотри, не смѣй! 220

Никератъ.

Говорю впередъ: такъ будетъ! (Поспѣшно входитъ въ домъ).

Демея (съ ужасомъ)

Обезумѣлъ, самъ не свой!
Вишь, какъ въ домъ влетѣлъ! Гдѣ выходъ, передрягамъ гдѣ конецъ?
Не бывалъ еще ни разу я въ подобной кутерьмѣ,
Въ томъ порукою мнѣ боги! Остается лишь одно:
Разсказать ему, въ чемъ дѣло.—Аполлонъ, вновь дверь гремитъ! 225

ЯВЛЕНІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

[Изъ дома Никерата выбѣгаетъ Хрисида съ ребенкомъ на рукахъ. За ней въ отдаленіи показывается Никератъ, вооруженный палкой].

Хрисида.

Горе мнѣ! Куда дѣваться? Что мнѣ дѣлать? У меня
Вырветъ онъ дитя!

Демея.

Хрисида!

Хрисида (оглядываясь)

Кто зоветъ? (Замѣчаетъ Демею).

Демея.

Ты въ домъ бѣги!

Никератъ (вслѣдъ уходящей Хрисидѣ).

Эй, куда?

Демея (про себя).

Сегодня, значитъ, не уйти мнѣ, Аполлонъ,
Отъ борьбы! (Загораживая дорогу Никерату).
Чего ты ищешь? Ты за кѣмъ бѣжишь?

Никератъ (не помня себя отъ гнѣва).

Уйди!
Не мѣшай ты мнѣ, Демея! Дай ребенкомъ завладѣть, 230
Тайну выпытать у женщинъ!

Демея.

Онъ свихнулся! Это что?
Ты меня ударить хочешь?

Никератъ.

И ударю. Съ глазъ долой!

Демея.

Дамъ я сдачи! (Борются).
Эй, Хрисида, ты спасайся: онъ сильнѣй!

Никератъ.

Ты меня коснулся первый? (Бьетъ Демею).

Демея.

При свидѣтеляхъ скажу!
И прибавлю: „лѣзъ онъ съ палкой на свободную!" [1])

---

[1]) При переводѣ ст. 235 сл. я слѣдовалъ тѣмъ дополненіямъ, которыя предлагаетъ *van Leeuwen* въ статьѣ „Menander" (= *Mnemosyne*, 1909, 121).

Никератъ.

Меня 235
Пустишь что ли?

Демея.

Лгунъ проклятый!

Никератъ.

А зачѣмъ не отдаешь
Мнѣ ребенка?

Демея.

Шутишь, видно! Мой—ребенокъ!

Никератъ.

Нѣтъ, не твой!

Демея.

Какъ не мой? Внемлите, люди!

Никератъ.

Каркай громче! Въ домъ взойду
И съ женой своей покончу!

Демея (про себя)

Что тутъ дѣлать? Чистый грѣхъ!
Не позволю! (становится противъ Никерата)
Стой на мѣстѣ!

Никератъ.

Осторожнѣй! Руки прочь! 240

Демея.

Не волнуйся!

Никератъ (нѣсколько тише).

Ты, Демея, обижаешь,—вижу я,
Что тебѣ про все извѣстно.

Демея.

Такъ меня ты и шпыняй,
А жену оставь, не трогай!

Никератъ.

Значитъ твой сынокъ меня
Обманулъ?

Демея.

Ну, это—враки! Въ жены дочь твою возьметъ!
Дѣло сладится, не бойся. А теперь пройдись со мной 245
Здѣсь предъ домомъ.

Никератъ.

Я—съ тобою?

Демея.

И душой воспрянь опять!
Отъ трагическихъ поэтовъ ты, небось, слыхалъ не разъ,
Какъ Зевесъ подъ видомъ злата черезъ крышу въ домъ проникъ
И затворницу-дѣвицу на любовь съ собой склонилъ?

Никератъ.

Ну, такъ что-жъ?

Демея.

А то, что надо быть готовымъ ко всему. 250
Не течетъ ли въ домѣ крыша?

Никератъ.

Льетъ во всю! Но развѣ тутъ
Съ нашимъ дѣломъ связь найдется?

Демея.

Зевсъ то золотомъ бывалъ,
То водой,—не такъ ли, милый? Онъ и тутъ не безъ грѣха!
Скоро-жъ мы нашли причину!

Никератъ.

За носъ водишь!

Демея.

Вотъ ужъ нѣтъ.
Ты не хуже, чѣмъ Акрисій,—ну, нисколько! Если-жъ Зевсъ 255

Дочь его почтилъ любовью, то твою—

Никератъ.

О горе мнѣ!
Я Мосхіономъ обманутъ!

Демея.

Въ жены онъ ее возьметъ!
Ты не бойся!—А въ ребенкѣ—знаю я навѣрняка!—
Богъ виной! Назвать не трудно сотни божескихъ дѣтей,
Что ютятся средь народа. Гдѣ тутъ чудо?—самъ суди! 260
Хэрефонъ—онъ будетъ первымъ—сытъ, не тратя ни гроша.
Ты сочтешь его за бога?

Никератъ.

Ну, сочту! Что жъ дѣлать мнѣ?
Не ругаться жъ по пустому!

Демея.

Никератъ, а ты—уменъ!
Вотъ Андроклъ! Живетъ безъ срока, рыщетъ, блещетъ, денегъ тьма,
Кудри,—тѣ всегда чернѣютъ: ихъ и смерть не побѣлитъ! 265
И никто его не тронетъ!—Чѣмъ, скажи, Андроклъ не богъ?
Пусть что было, къ счастью будетъ! Ѳиміамъ ты воскури,
Будь доволенъ: за дѣвицей мой сынокъ къ тебѣ придетъ!
Въ жизни многое зависитъ не отъ насъ! Возьмись за умъ,
И не гнѣвайся на дочку, хоть она и родила! 270

Никератъ.

Въ домѣ все готовь, я тоже у себя распоряжусь!

Демея.

Ишь ты умникъ! Благодаренъ отъ души я всѣмъ богамъ:
Вѣдь неправдой оказалось то, чего боялся я! (Демея и Никератъ расходятся по своимъ домамъ).

Музыкальная интермедія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

[Изъ дома Демеи медленными шагами выходитъ Мосхіонъ. Онъ мраченъ. Видно, что его гнететъ какая-то неотступная мысль, отъ которой онъ не можетъ освободиться].

Мосхіонъ.

Когда напраслину, что на меня взводили,
Стряхнуть мнѣ удалось, обрадовался я, 275
Считая, что съ меня и этого довольно.
Но вотъ, когда я сталъ все толкомъ разбирать
Да взвѣшивать,—тогда я духомъ возмутился.
Теперь я самъ не свой отъ гнѣва на отца!
Какъ онъ подумать могъ, что передъ нимъ я грѣшенъ? 280
Будь у меня съ Планго̀ все гладко, не мѣшай
Мнѣ клятва, да любовь, да время, да привычка,
Что сдѣлали меня теперь ея рабомъ,—
Отецъ бы не посмѣлъ въ лицо мнѣ бросить снова
Такой напраслины: я-бъ скрылся съ глазъ долой, 285
Изъ города бѣжалъ куда-нибудь,—ну, въ Бактры
Иль въ Карію, и тамъ освоился бъ съ копьемъ!
Но держишь ты меня, моя Планго̀! Не сдѣлать
Мнѣ шага смѣлаго, не въ силяхъ я! Эротъ,
Властитель думъ моихъ, лишилъ меня свободы! 290
И все-жъ не смѣю я отдѣлаться молчкомъ,
Какъ трусъ, какъ рабъ какой! По крайней мѣрѣ, словомъ,
Коль не могу другимъ, отца я допеку.
„Прощай“ скажу. Тогда на будущее время
Остережется онъ обиды наносить, 295
Увидѣвъ, что на нихъ я не смотрю сквозь пальцы!
Вотъ во̀-время какъ разъ сюда подходитъ тотъ,
Кого сильнѣе всѣхъ хотѣлось бы мнѣ видѣть.

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

[На сцену робко входитъ Парменонъ, возвращающійся изъ города. Онъ то и дѣло останавливается, оглядывается по сторонамъ, прислушивается и, наконецъ, овладѣваетъ собой. Замѣтно, что какія-то соображенія мало-по-малу придаютъ ему смѣлость].

Парменонъ (про себя).

Тобой, владыка Зевсъ, клянусь, что поступилъ

Я просто какъ дуракъ, какъ жалкая скотина! 300
Не согрѣшивъ ни въ чемъ, я струсилъ и бѣжалъ
Отъ барина! Но что-жъ мной сдѣлано такого,
Что бѣгство вызвало? Давай-ка разберемъ
Мы все по косточкамъ. Барченокъ нашъ съ дѣвицей
Свободной пошалилъ. Ну, а Парменонъ въ чемъ 305
Здѣсь виноватъ? Она и понесла. Парменонъ
Опять какъ будто чистъ! Малютка въ домъ попалъ.
Принесъ его барчукъ, не я! Вдругъ изъ домашнихъ
Не знаю, кто, возьми, да тайну и открой.
Ну, а Парменонъ,—онъ, что сдѣлалъ тутъ худого? 310
Да ровно ничего! Зачѣмъ же ты бѣжалъ,
Пустая голова? Не потому-ль, что баринъ—
Смѣшно сказать!—клеймомъ невинному грозилъ?
А развѣ не одно, клейменъ ли ты безвинно
Иль по заслугамъ? Тутъ, какъ ни смотри, все стыдъ 315
Съ уродствомъ пополамъ! (Хочетъ войти въ домъ Демеи).

Мосхіонъ (выходя впередъ).

Парменонъ!

Парменонъ (оглядываясь и замѣчая Мосхіона).

Здравствуй, баринъ!

Мосхіонъ.

Ты съ болтовней своей покончи, да иди
Скорѣе въ домъ.

Парменонъ.

Зачѣмъ?

Мосхіонъ.

Ты принесешь оттуда
Дорожный плащъ и мечъ.

Парменонъ.

Мечъ, ты сказалъ?

Мосхіонъ.

Живѣй!

Парменонъ.

А онъ тебѣ на что?

Мосхіонъ.

Безъ лишнихъ словъ! Исполни, 320
Что сказано. Пошелъ!

Парменонъ.

Скажи въ чемъ дѣло?

Мосхіонъ.

Я
Ремень возьму!

Парменонъ.

Зачѣмъ? Пойду и такъ! (Идетъ шагъ за шагомъ).

Мосхіонъ.

Чего же
Ты медлишь? (Парменонъ уходитъ).
Вотъ сейчасъ придетъ отецъ, начнетъ
Просить: „останься здѣсь!“ Но я къ его моленьямъ,
Пока что, буду глухъ—такъ надо!—а потомъ 325
Увижу, что пора, и подчинюсь... Послушнымъ
Я стать могу, когда все выскажу, чего
Клянусь Діонисомъ, исполнить я не въ силахъ.
Идетъ сюда! Идетъ! Вотъ дверью хлопнулъ онъ!
(Отворачивается въ сторону).

ЯВЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

[Изъ дома Демеи быстро выходитъ Парменонъ. Видъ у него радостный и таинственный].

Парменонъ.

Мнится мнѣ, что ты остался всѣхъ событій позади! 330
Ничего-то ты не знаешь, ни о чемъ не слышалъ ты,
И бурлишь себѣ безъ толку!—Брачный пиръ уже готовъ!

Мосхіонъ (мрачно).

Ты принесъ?

Парменонъ (радостно).

Готовятъ свадьбу! Жертвъ однихъ не перечесть!
И куренья пожираетъ жаръ Гефестова огня!

Мосхіонъ (грозно).

Ты принесъ?

Парменонъ.

Въ тебѣ задержка, ждутъ тебя давнымъ давно! 335

Мосхіонъ.

Ждутъ меня?

Парменонъ.

Съ дѣвицей—

Мосхіонъ.

Дальше!

Парменонъ.

Повезло тебѣ, барчукъ!
Бури нѣтъ! Ты не волнуйся!

Мосхіонъ.

Что? Совѣты мнѣ давать?
Ахъ, негодный! (Даетъ Парменону пощечину).

Демея (кричитъ изъ дома)

Сынъ, Мосхіонъ, чѣмъ ты занятъ?

Мосхіонъ.

Живо въ домъ,
Выноси скорѣе вещи!

Парменонъ.

Охъ, заѣхалъ въ самый ротъ!
(Съ неохотой идетъ къ дому).

Мосхіонъ.

Ты опять бормочешь что-то?

Парменонъ.

Нѣтъ, иду! (обращаясь къ зрителямъ)
А вы, небось, 340
Въ чемъ бѣда, смекнули?

Мосхіонъ.

Живо!

Парменонъ (изъ за двери).

Свадьбу правятъ,—посмотри!

Мосхіонъ.

Въ домъ скорѣй! Потомъ разскажешь! (Парменонъ уходитъ).
Ну, теперь отецъ придетъ.
Да, но если не попроситъ онъ остаться? Если вдругъ
Гнѣвный мнѣ на дверь укажетъ,—что тутъ дѣлать? Упустилъ
Я изъ виду случай этотъ! Не поступитъ такъ отецъ! 345
Ну, а если вдругъ поступитъ?—Рухнетъ все тогда, и я,
Повернувъ назадъ оглобли, буду въ чистыхъ дуракахъ!

Слова Мосхіона замыкаютъ собой второй и послѣдній фрагментъ „*Саміанки*“, и мы остаемся въ полной неизвѣстности на счетъ того, обманулся или не обманулся юноша въ своихъ ожиданіяхъ. Одно только можно считать непреложнымъ, а именно, счастливый выходъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ изъ только что пережитыхъ ими треволненій. Само собой разумѣется, что Мосхіонъ въ концѣ концовъ женится на своей Планго̀, что Хрисида снова водворяется въ домѣ Демеи, что Никератъ бузусловно успокаивается, увидѣвъ безполезность своихъ страховъ, и что наравнѣ съ этими лицами немножко счастья достается и на долю Парменона, не говоря уже о самомъ Демеѣ, главномъ виновникѣ всей сумятицы. Итакъ, съ этой стороны ничего неопредѣленнаго быть не можетъ: тутъ все безусловно ясно! Равнымъ образомъ, врядъ ли можно сомнѣваться и въ томъ, что до нормальнаго конца пьесы не хватаетъ очень немногаго. Утрачено, вѣроятно, какихъ-нибудь двѣ-три сценки, носившихъ приблизительно такой же характеръ, какъ соотвѣтствующія заключительныя сцены въ „Περικειρομένη“. И дѣйствительно, трудно себѣ представить, чтобы дѣйствіе послѣ того поворота, который оно сдѣлало благодаря Мосхіону, могло затягиваться еще на долгое время! Гораздо естественнѣе думать, что

мы стоимъ недалеко отъ того момента, когда распустится послѣдній узелъ, завязанный богиней Невѣдѣнія, и зрители воочію увидятъ, что „съ божьей помощью и худое можетъ иногда приводить къ хорошему“.

Я не буду отрицать, что при томъ возстановленіи общаго хода дѣйствія, которое дано мной въ дополненіе и разъясненіе перевода, очень многое осталось неяснымъ и недостаточно обоснованнымъ. Я знаю, что цѣлый рядъ вопросовъ, болѣе или менѣе важныхъ, не получилъ надлежащаго отвѣта, что цѣлый рядъ подробностей прошелъ незамѣченнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ кажется, что та сравнительная простота въ развитіи дѣйствія, та малая запутанность его, которая проглядываетъ въ моей реконструкціи, находитъ себѣ нѣкоторое подтвержденіе въ сохранившемся текстѣ, если я вѣрно его понимаю и оцѣниваю. Дѣло въ томъ, что изъ четырехъ ново-найденныхъ пьесъ Менандра „*Саміанка*“ по преимуществу, какъ мнѣ кажется, является такой комедіей, въ которой сложная по внѣшности фабула разработана довольно примитивно.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе любопытная градація въ смыслѣ переноса тяжести дѣйствія съ одного лица на другое. Такъ, первый актъ есть удѣлъ Демеи: все дѣйствіе возникаетъ благодаря его гнѣву и всѣ дальнѣйшія событія исходятъ исключительно отъ него. Онъ стоитъ въ центрѣ, а около него въ роли страдательнаго элемента находится Хрисида, въ роли успокаивающаго — Никератъ. Затѣмъ происходитъ обратное: мѣсто Демеи занимаетъ Никератъ, страдаетъ снова Хрисида, успокоеніе вноситъ Демея. Наконецъ, картина въ третій разъ мѣняется: гнѣвъ, до той поры владѣвшій Демеей и Никератомъ, охватываетъ Мосхіона, который, подобно двумъ вышеупомянутымъ лицамъ, и даетъ пьесѣ новое направленіе. Такимъ образомъ, получается своего рода преемственность въ переносѣ съ одного лица на другое опредѣленнаго душевнаго движенія, причемъ только благодаря этому переносу пьеса и переходитъ изъ одного акта въ другой. Однимъ словомъ, образуется нѣчто похожее на λαμπαδηδρομία, во время которой одинъ участникъ, пробѣжавъ извѣстное пространство, передавалъ свой факелъ другому, другой — третьему и т. д., пока факелъ не достигалъ цѣли.

Надо сознаться, что *подобная* прогрессивность дѣйствія заключаетъ въ себѣ нѣчто искусственное и, какъ мнѣ кажется, врядъ ли можетъ быть сочтена за ловкій пріемъ со стороны автора. Вѣдь все время

чувствуется, что дѣйствіе не свободно, что оно направляется рукой комика и что въ немъ нѣтъ того естественнаго, самодовлѣющаго порыва, который мы видимъ, напримѣръ, въ „*Третейскомъ Судѣ*“ (Ἐπιτρέποντες), гдѣ все развивается какъ-то само собой, безъ всякой натянутости и принужденія. Конечно, вполнѣ возможно, что эта примитивность въ развитіи дѣйствія не выступала съ такой рѣзкостью, когда пьеса была не рядомъ фрагментовъ, а стройнымъ цѣлымъ, одинаково развитымъ во всѣхъ своихъ частяхъ. Тогда, вѣроятно, многіе недостатки композиціи не выходили наружу и дѣйствіе протекало сравнительно гладко, а не такими размѣренными скачками, какъ въ настоящее время. И все-таки особенность, на которую мной было указано, должна была имѣть мѣсто, хотя и не въ столь сильной степени, какъ теперь!

Но разъ дѣйствіе имѣетъ свой raison d'être не въ самомъ себѣ, не въ природѣ своей, а исключительно въ побужденіяхъ извнѣ; если оно не замираетъ лишь потому, что постоянно въ критическій моментъ находитъ для себя по волѣ автора новаго носителя, который даетъ ему нужный толчокъ, то можно ли такое дѣйствіе называть настоящимъ, органически-развивающимся дѣйствіемъ? Я лично думаю, что нельзя. Если мы всмотримся въ ходъ пьесы, поскольку онъ различимъ въ ея отрывкахъ, то мы увидимъ, что пьесу можно считать остановившейся въ ея развитіи съ того момента, какъ Демея узнаётъ всю правду. И если тѣмъ не менѣе дѣйствіе продолжается, то происходитъ это не органическимъ путемъ, а путемъ придуманныхъ подробностей, которыя сами по себѣ изъ дѣйствія не вытекаютъ. Такъ, напримѣръ, мы не понимаемъ, почему Демея, видя, что Никератъ находится на пути къ открытію тайны, хранитъ ее про себя, хотя и знаетъ, что это открытіе можетъ предупредить рядъ нежелательныхъ послѣдствій, иначе неизбѣжныхъ ввиду характера Никерата. Равнымъ образомъ, мы не понимаемъ, почему Мосхіонъ послѣ того, какъ дѣло его, благодаря объясненію съ отцомъ, уладилось и приняло вполнѣ благопріятное теченіе, вдругъ, заднимъ числомъ, начинаетъ ощущать обиду и такъ сильно принимаетъ ее къ сердцу, что готовъ покинуть родину и идти въ наемники. Всѣ эти вопросы остаются открытыми. Конечно, намъ могутъ возразить, что искомый отвѣтъ находился какъ разъ въ утраченныхъ частяхъ комедіи. Но врядъ ли это дѣйствительно такъ, и не вѣрнѣе ли будетъ относить всѣ эти темныя стороны пьесы на счетъ недостаточной умѣлости самого комика?

Но мыслимо ли себѣ представить, чтобы Менандръ, авторъ „*Третейскаго Суда*“ и „*Отрѣзанной косы*“ (Περικειρομένη), — чтобы этотъ

Менандръ, который поражаетъ насъ своимъ умѣніемъ вести дѣйствіе такъ, что почти никогда не ощущаешь въ немъ ни принужденія, ни вымученности, не сумѣлъ въ „*Саміанкѣ*“ показать столь обычныхъ въ немъ качествъ первокласснаго драматурга? Мнѣ думается, что хорошій отвѣтъ на этотъ вопросъ могло бы дать одно любопытное соображеніе, высказанное А. Кёрте въ его статьѣ „Menander“ [1]).

Въ этой статьѣ-отчетѣ о ново-найденныхъ пьесахъ Менандра Кёрте между прочимъ держится того взгляда, что “*Саміанка*“ представляетъ собой *юношеское* произведеніе поэта, когда онъ находился еще подъ вліяніемъ представителей средней комедіи. Подтвержденіе же своему взгляду Кёрте усматриваетъ не только въ „нѣсколько неумѣлой техникѣ“ драмы, но и въ „присутствіи личныхъ нападокъ“, выдержанныхъ въ духѣ древняго и средняго, но отнюдь не новаго комическаго жанра. И дѣйствительно, въ „*Саміанкѣ*“ мы встрѣчаемся съ насмѣшками, направленными какъ противъ извѣстнаго намъ изъ средней комедіи паразита Хэрефона, такъ и противъ какого-то молодящагося старика Андрокла, т. е. встрѣчаемся съ сатирой личнаго характера, для которой въ новой комедіи какъ будто не должно быть мѣста и которая попадается въ ней лишь какъ отзвукъ старой манеры, постепенно выходящей изъ моды и наблюдаемой у Менандра только въ трехъ пьесахъ: Ὀρτή (fr. 364), Μέθη (fr. 320) и Κεκρύφαλος (fr. 277). Итакъ, отмѣченные нами техническіе недочеты „*Саміанки*“ могли бы быть объясняемы недостаточной еще опытностью автора въ дѣлѣ драматическаго искусства или, какъ выражается Кёрте, тѣмъ, что „hier hat Menanders Kunst eben noch nicht ihre φύσις ausgebildet, sie schleppt noch die Eierschalen der mittleren Komödie mit sich“ [2]).

Но недостатки пьесы въ ея цѣломъ не отнимаютъ крупныхъ достоинствъ у отдѣльныхъ сценъ, которыя поражаютъ своей живостью и свѣжестью, не говоря уже о вложенной въ нихъ правдивости и глубинѣ психологическаго анализа. Разсматриваемыя самостоятельно, эти сцены представляютъ собой дивныя жанровыя картинки, выхваченныя изъ настоящей жизни. Онѣ рисуютъ реальные типы и положенія, онѣ иллюстрируютъ семейный и общественный бытъ, онѣ знакомятъ съ тогдашними нравами и привычками,—однимъ словомъ, онѣ даютъ то, что нѣкогда было, то, что поэтомъ наблюдалось, среди чего онъ жилъ и дѣйствовалъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это—вовсе не моментальныя фотографіи, передающія одну внѣшнюю сторону воспроизводимыхъ ими объектовъ. Поэтъ умѣетъ углублять и одухотворять свои сцены, ибо на фонѣ ихъ онъ вскрываетъ передъ зрителями тѣ внутреннія движенія, которыя происходятъ въ душѣ каждаго изъ выводимыхъ имъ персонажей. И вотъ эти персонажи начинаютъ не только говорить и дѣйствовать сообразно своему положенію, но и отражать на своихъ дѣлахъ и словахъ индивидуальныя черты присущихъ имъ характеровъ. Такимъ образомъ мало-по-малу образуется цѣлая галлерея живыхъ людей, выступающихъ передъ нами на фонѣ соотвѣтствующей обстановки и соотвѣтствующихъ условій быта. Но такъ какъ всѣ эти люди взяты изъ числа тѣхъ людей, которые попадаются на каждомъ шагу во всякое время, то, конечно, и въ характерахъ ихъ нѣтъ ничего особенно крупнаго, ничего такого, что возвышало бы ихъ надъ уровнемъ обыкновеннаго средняго человѣка. Жизнь, которой живутъ эти люди, обыденна; мысли и желанія, которыя владѣютъ ими, ординарны: страсти и побужденія, которыя толкаютъ ихъ на разнаго рода поступки, очень мелки, и другихъ интересовъ, кромѣ будничныхъ, у нихъ нѣтъ, — словомъ, это — типичные представители того самаго общества, которое можно назвать сѣренькимъ. На жизни этого общества и вращается вся пьеса, являясь такимъ образомъ настоящей „мѣщанской драмой“ [1]).

Но эта общая характеристика, приложенная къ „*Саміанкѣ*“, приложима въ такой же степени и къ остальнымъ комедіямъ Менандра, гдѣ фигурируетъ та же обыденщина со всѣми ея свѣтлыми и темными сторонами. Безусловная же оригинальность нашей пьесы заключается, помимо разнаго рода исключительно ей принадлежащихъ подробностей, въ образахъ тѣхъ лицъ, которыя выступаютъ въ ней, а также въ изображеніи того, какъ реагируютъ они благодаря своимъ характерамъ на обычныя жизненныя явленія и условія. Тутъ именно и проявляется во всей своей мощи талантъ Менандра, причемъ разсматриваемая съ этой стороны „*Саміанка*“ нисколько не уступаетъ другимъ пьесамъ комика: тонкость психологическаго анализа сказывается и въ ней не менѣе сильно, чѣмъ въ нихъ! Попробуемъ доказать это примѣрами.

Лицомъ, вызывающимъ драматическія коллизіи, является старикъ Демея. По природѣ своей это—добрый, благодушный человѣкъ, привыкшій къ спокойной жизни и не отказывающій себѣ ни въ чемъ,

[1]) *Archiv für Papyrusforschung*, IV, 516 sq.
[2]) O. c., 517.

[1]) Ср. *Б. В. Варнеке*, Новыя комедіи Менандра, 90.

что можетъ доставить ему пріятность. Онъ не въ силахъ существовать безъ любви, безъ ласки; ему нужна уютная, теплая атмосфера; ему нужны люди, которые хорошо бы къ нему относились и которымъ бы онъ въ свою очередь могъ высказывать свое расположеніе. Такихъ людей у него двое: пріемный сынъ Мосхіонъ и любовница Хрисида, причемъ именно эти два человѣка по преимуществу и заполняютъ собой его существованіе. Нѣжный отецъ не пересиливаетъ въ Демеѣ нѣжнаго любовника,—наоборотъ, оба оттѣнка любви словно дополняютъ другъ друга и даютъ Демеѣ нужное ему счастье. Но вотъ происходитъ катастрофа, которая выводитъ старика изъ его обычнаго благодушія. Въ немъ начинается борьба между отцомъ и любовникомъ. Эта борьба идетъ долго, ибо Демеѣ не хочется разочаровываться въ тѣхъ, кто ему дорогъ. Осудить обоихъ виновныхъ онъ не можетъ, оправдать ихъ онъ тоже не въ состояніи. Надо идти на компромиссъ, и вотъ мало-по-малу все сильнѣе и сильнѣе начинаетъ звучать въ немъ голосъ оскорбленнаго любовника. Сообразно съ этимъ нѣжность отца къ сыну получаетъ особую окраску: Демея начинаетъ *жалѣть* Мосхіона, какъ жертву опытной кокетки. Но жалость къ сыну и желаніе оправдать его усиливаетъ раздраженіе противъ Хрисиды, которое тѣмъ болѣе ощутительно, что Демея не можетъ стать равнодушнымъ къ обольстительному образу своей невѣрной подруги. Ревность душитъ его, страсть продолжаетъ говорить въ немъ. Остается одно: рѣшить вопросъ сразу, — способъ, примѣняемый иногда и слабыми людьми, желающими хоть чѣмъ-нибудь скрыть отъ самихъ себя свою слабость. И тогда онъ, этотъ мягкій человѣкъ, выгоняетъ на улицу провинившуюся передъ нимъ женщину, стараясь убѣдить себя въ томъ, что этого шага требуетъ отъ него любовь къ сыну. Такимъ образомъ, буря, поднявшаяся въ душѣ Демеи, приводитъ его къ жестокости, но лишь только онъ сознаетъ свою ошибку, въ немъ сразу просыпается прежній Демея, природѣ котораго чуждъ всякій актъ насилія, и нравственный обликъ его становится снова благодушнымъ и терпимымъ, какимъ былъ до катастрофы.

Совсѣмъ иное впечатлѣніе производитъ сосѣдъ Демеи, Никератъ. Въ его характерѣ прежде всего нѣтъ мягкости. Онъ — человѣкъ суровый, прямолинейный и грубоватый. Обходительность Демеи ему чужда. Какъ настоящій ἄγροικος, перенесенный въ городскую обстановку, онъ относится нѣсколько скептически къ истому горожанину Демеѣ и при случаѣ не прочь кольнуть его, какъ, напримѣръ, въ дѣлѣ Хрисиды, когда изъ желанія насолить пріятелю онъ даетъ ей

пріютъ у себя въ домѣ. Вообще же со своими близкими Никератъ обращается сурово и можетъ доходить до крайнихъ эксцессовъ, до полнаго гнѣвнаго самозабвенія. Но есть и въ этомъ человѣкѣ, вообще мало привлекательномъ, одна симпатичная черта, а именно: извѣстная нравственная устойчивость и отвращеніе ко всему, что похоже на распущенность. Недаромъ у Никерата то и дѣло прорывается возмущеніе поступкомъ Мосхіона, приведшимъ Планго къ паденію [1]). И все-таки, несмотря на свою суровую внѣшность, Никератъ не сильный человѣкъ. Онъ можетъ бурлить, какъ бурлитъ и Демея, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не способенъ на длительное сопротивленіе. Такъ, напримѣръ, въ третьемъ актѣ послѣ угрозъ, криковъ и тому подобнаго, онъ сразу какъ-то опускается и нравственно осѣдаетъ, послѣ чего съ нимъ можно дѣлать что угодно. Поэтому Демея быстро укрощаетъ его, причемъ Никератъ подъ конецъ не можетъ даже реагировать на шутки друга: гнѣвная вспышка исчерпала его организмъ и сдѣлала его безусловно пассивнымъ и на все согласнымъ. Таковъ Никератъ, поскольку выступаетъ онъ въ сохранившихся частяхъ комедіи. Но нельзя не сознаться, что образъ его менѣе углубленъ и развитъ, чѣмъ образъ Демеи: онъ набросанъ въ общихъ чертахъ, но не разработанъ въ деталяхъ, да къ тому же Менандръ показываетъ намъ не столько внутреннюю психику своего героя, сколько внѣшнія проявленія его несдержаннаго характера.

Переходимъ теперь къ Хрисидѣ. Я вполнѣ согласенъ съ Б. В. Варнеке [2]), что всего ближе подходитъ къ ней Бакхида изъ „Несуга“ Теренція. Это сходство, какъ онъ вѣрно замѣтилъ, усиливается еще и той благородной ролью, которую играетъ Хрисида, спасая ребенка Мосхіона и ставя свои личные интересы ниже интересовъ юноши и его возлюбленной. Хрисида, дѣйствительно, настоящая bona meretrix! Но относительно разработки ея характера я повторилъ бы то, что нѣсколько выше сказалъ по поводу Никерата: характеръ дѣвушки едва намѣченъ Менандромъ. Поэтъ только мелькомъ показываетъ намъ свѣтлый образъ Хрисиды, нѣжной и ласковой, трогательной въ своей привязанности и вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя всякая борьба противна ея природѣ, умѣющей во имя этой привязанности бороться, не считаясь съ личными выгодами и невыгодами. Жаль одного, а именно, что поэтъ развертываетъ передъ нами одни поступки Хрисиды, а не

---

[1]) *Robert*, Der neue Menander, 9.

[2]) Новыя комедіи Менандра, 81 сл.

ея душевныя движенія, какъ дѣлаетъ онъ это въ „*Третейскомъ судѣ*“ съ Габротононъ. Во всякомъ случаѣ, Хрисида — одинъ изъ лучшихъ женскихъ типовъ Менандра, умѣвшаго, подобно Еврипиду, то и дѣло рисовать обаятельные по своей прелести женскіе образы.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о Мосхіонѣ и Парменонѣ, воплощающихъ въ себѣ обычную для новой комедіи пару: юноши и, посвященнаго въ его любовныя тайны, раба. Съ этой стороны въ нихъ нѣтъ ничего новаго: они — одинъ изъ перепѣвовъ старой пѣсни. Новое заключается въ трактовкѣ ихъ характеровъ. Если мы обратимся сперва къ Парменону, то увидимъ, что онъ, какъ и герой „*Третейскаго суда*“ Онисимъ, истинное дитя рабства. Подневольное состояніе успѣло наложить на него свою уродливую печать. Пронырство, трусость и наглость въ достаточной мѣрѣ украшаютъ его личность, и поскольку дѣло касается этихъ качествъ, Парменонъ не уступаетъ любому изъ представителей рабскаго сословія. Но есть у Парменона и другія черты, которыя придаютъ его облику нѣчто симпатичное и даже благородное. Парменонъ, правда, „суетъ свой носъ повсюду“, но дѣлаетъ онъ это изъ любви къ искусству, а вовсе не изъ желанія добиться какой-нибудь выгоды. Онъ не сплетникъ по натурѣ, не интриганъ, какъ Онисимъ, не мелкій лгунъ и плутишка, какъ Давъ изъ „*Отрѣзанной косы*“,—ничего подобнаго въ Парменонѣ нѣтъ. Онъ—человѣкъ вѣрный и преданный, строго блюдущій тайны Мосхіона и искренно желающій юношѣ полнаго счастья. Достаточно вспомнить его неподдѣльную радость, когда онъ убѣждается, что барченку бояться нечего. Конечно, эта радость не вполнѣ безкорыстна: къ ней примѣшивается и другая по поводу личнаго избавленія отъ опасности,—но врядъ ли можно упрекать за это Парменона, которому еще недавно грозили клеймомъ. Вѣдь о прелестяхъ послѣдняго онъ съ достаточной наглядностью говоритъ въ своемъ монологѣ, въ томъ самомъ монологѣ, гдѣ такъ хорошо разбираетъ всѣ pro и contra своего положенія! На этомъ монологѣ Парменона стоитъ остановиться, ибо онъ является отличнымъ примѣромъ того психологическаго анализа, который такъ любитъ Менандръ. Въ немъ поэтъ, исходя изъ характера своего героя, изображаетъ, какъ путемъ постепеннаго самоубѣжденія данный человѣкъ старается разсѣять свои страхи, какъ съ помощью логическихъ обоснованій онъ идетъ къ относительному душевному успокоенію и какъ, наконецъ, этотъ человѣкъ, еще недавно трепетавшій, начинаетъ шутить надъ былой опасностью. Этотъ градаціонный переходъ отъ одного ощущенія къ другому проведенъ удивительно тонко, и подъ конецъ монолога уже начинаешь чувствовать, какъ робкая въ началѣ фигура Парменона постепенно выпрямляется, какъ Парменонъ снова выростаетъ въ своихъ глазахъ и дѣлается опять тѣмъ несравненнымъ Парменономъ, надоѣдливымъ и нагловатымъ, какимъ мы знали его раньше и какимъ снова выступаетъ онъ въ послѣднихъ сценахъ комедіи.

Что касается до Мосхіона, то, поскольку роль его сохранилась въ пьесѣ, онъ—типичный представитель амплуа adulescens. Въ немъ больше порывовъ, чѣмъ рѣшительности, больше склонности къ обдумыванію поступковъ, чѣмъ къ ихъ исполненію, т. е. онъ одинъ изъ тѣхъ, которые „не способны принять какое-нибудь рѣшеніе, и постоянно заявляютъ, что не знаютъ, что имъ дѣлать“ [1]). Какъ и полагается adulescens, онъ весь ушелъ въ свою любовь: „Эротъ владѣетъ его думами“, „возлюбленная Планго̀ держитъ его въ своей власти“, „смѣлаго шага ему не сдѣлать“. Онъ можетъ только мечтать о томъ, что ему слѣдовало бы уйти отъ отца, но уйти на самомъ дѣлѣ онъ не въ состояніи: все, имъ переживаемое, а также и его слабый характеръ являются этому помѣхой. Одинъ только разъ кажется онъ уже готовымъ, если не къ серьезной роли, то, по крайней мѣрѣ, къ разыгрыванію таковой. Это, когда онъ хочетъ сдѣлать видъ, будто, не вынеся нанесенной ему обиды, онъ покидаетъ отчій домъ и идетъ на чужбину, чтобы тамъ размыкать свое горе. Но и тутъ очень скоро овладѣваютъ имъ сомнѣнія, страхи, неувѣренность, и опять во всей своей очевидности выступаетъ основная черта его характера: *безволіе*. А такъ вообще Мосхіонъ — добрый малый, тихій, и скромный (κόσμιος), могущій иногда вспылить, поступить опромечтиво, сдѣлать глупость, но вмѣстѣ съ тѣмъ доступный глубокому чувству любви и привязанности, какъ видно это, напримѣръ, изъ его думъ о Планго̀ [2]).

Таковы главные персонажи нашей комедіи; дополненіемъ же къ нимъ являются типы повара и старой няни. Послѣдняя, правда, не выступаетъ въ пьесѣ самостоятельно: у нея нѣтъ особой роли, она—

---

[1]) *Б. В. Варнеке.* Роль adulescens въ древне-римской комедіи (=*Журн. Мин. Нар. Просв.*, 1908, августъ, отд. класс. филол. 317).

[2]) Я совершенно не вижу данныхъ для слѣдующей характеристики Мосхіона, которую предлагаетъ *Робертъ* (Der neue Menander, 9): „Moschion stellt sich im folgenden, als ein von seinem Vater *grenzenlos* verwöhnter 115—117. 171—190. 195. *arroganter*, empfindlicher, *launenhafter* und doch energieloser 355—379, junger, Herr heraus“. Ср. *Б. В. Варнеке*, Новыя комедіи Менандра, 102.

κωφὸν πρόσωπον. Но на основаніи словъ Демеи и Парменона не трудно представить себѣ фигуру ворчливой старухи, страдающей къ тому же однимъ существеннымъ недостаткомъ: она не прочь хлебнуть лишняго. Такимъ образомъ, типъ няни отчасти подойдетъ подъ общій какъ для средней, такъ и для новой комедіи типъ старухи — пьяницы, однимъ изъ примѣровъ котораго могла бы служить τροφός, упоминаемая у Евбула въ пьесѣ „Πάμφιλος“ (=Kock, II, fr. 80. 81. 82). Наконецъ, что касается до повара, то и онъ не представляетъ собой чего-либо необычнаго: этотъ типъ, отличительными чертами котораго служатъ болтливость, веселость и умѣніе пускать пыль въ глаза, не является случайнымъ гостемъ новой комедіи: она заимствовала его у средней и при случаѣ пускала въ ходъ, какъ испытанное средство для возбужденія смѣха, особенно послѣ предшествовавшей серьезной сцены.

Образами няни и повара замыкается галлерея типовъ, выступающихъ въ „*Саміанкѣ*“. Обыкновенные люди, погрязшіе въ обще-житейскихъ заботахъ, чувствованіяхъ и треволненіяхъ, проходятъ они передъ публикой, какъ вѣрное отраженіе близкой ей обыденщины, какъ отблескъ той жизни, которая ей хорошо знакома. Самого комика при этомъ не видно: держась въ сторонѣ, онъ не высказываетъ ни симпатій, ни антипатій своихъ, онъ спокойно развертываетъ картины жизни, спокойно показываетъ разныхъ людей въ разныхъ положеніяхъ, и вообще старается быть объективнымъ наблюдателемъ житейской прозы, какъ бы мелочна она ни была. Для него нѣтъ важнаго и неважнаго. Съ одинаковымъ вниманіемъ относится онъ ко всему, что̀ такъ или иначе входитъ въ изображаемую имъ толчею жизни, съ одинаковой любовью описываетъ и темныя и свѣтлыя стороны человѣка. Благодаря этому въ его отношеніи ко всему житейскому не чувствуется ни гнѣва, ни злобной насмѣшки, ни желанія бичевать пошлость, порокъ и ничтожество. Вѣдь его воображеніе занято не столько критикой жизни, сколько воспроизведеніемъ послѣдней! И эта жизнь дѣйствительно развертывается передъ нами отнюдь не прикрашенной, но и не искаженной, въ силу чего общее впечатлѣніе отъ пьесы получается довольно серьезное и сдержанное. Лишь иногда безстрастіе автора нарушается: мы слышимъ его смѣхъ, отдаленно напоминающій собой хохотъ древней комедіи, и передъ нами встаетъ какая-нибудь комичная сцена (ср. ст. 225 сл.), раздаются шутливыя рѣчи (ср. ст. 68 сл.), начинаютъ мелькать искорки сатиры, а затѣмъ дѣйствіе опять входитъ въ свое обычное русло и течетъ сообразно характерамъ направляющихъ его персонажей. И въ какую

изъ пьесъ Менандра ни начнешь вглядываться, будь это „*Саміанка*“, „*Третейскій судъ*“, „*Отрѣзанная коса*“ или „*Земледѣлецъ*“ (Γεωργός), вездѣ видишь, какъ искусно придерживаетъ поэтъ излишнее развитіе комическаго элемента и какъ ловко кладетъ онъ предѣлы ему, нѣкогда не знавшему удержа. Но само собой разумѣется, сдерживая комическій элементъ и стараясь содѣйствовать этимъ серьезности пьесы, Менандръ не долженъ былъ давать хода и ненужной высокопарности, ибо она невольно внесла бы съ собой нежелательную неестественность и повышенность тона, что̀ не подходило бы къ основной цѣли поэта: изображать жизнь такой, какова она есть. Поэтому въ уста персонажей Менандра вкладывается обыкновенно простая разговорная рѣчь, синтактически не всегда правильная, уснащенная къ тому же поговорками и крылатыми словами,—та рѣчь, которой могла говорить всякая мало-мальски образованная аонская семья. Этому общему правилу не противорѣчитъ и тотъ фактъ, что изрѣдка герои Менандра доходятъ до чисто-трагическаго паѳоса, причемъ у нихъ словно невзначай начинаютъ вырываться тогда высокопарныя тирады, вродѣ слѣдующихъ словъ Демеи въ его второмъ монологѣ (ст. 110 сл.): ὦ πόλισμα Κεκροπίας χθονός, ὦ θανατοῦ ἀθήρ. Но эти трагическія отступленія не мѣшаютъ общей простотѣ пьесъ. Какъ наносный элементъ, они не имѣютъ большого значенія: они—случайные отзвуки той трагедіи, по преимуществу трагедіи Еврипида,[x] которая не черезъ нихъ обнаруживаетъ свое вліяніе на Менандра. Ея вліяніе сказывается въ другомъ: въ глубокомъ взглядѣ на жизнь, на людей, на духовную сущность послѣднихъ. Такимъ образомъ, серьезность доминируетъ у Менандра надъ смѣшнымъ, проникновеніе въ душу человѣка интересуетъ его по преимуществу, завѣты Еврипидовской трагедіи, почти подошедшей къ настоящей жизни, ему особенно дороги, а потому и сама жизнь, какъ бы обычна она ни была, является для него главнымъ источникомъ, изъ котораго онъ черпаетъ и свои типы и свои наблюденія.

Г. Церетели.

x) Ср. Sehrt Aemilius, De Menandro Euripidis imitatore. Giessener Diss. 8°. Giessae 1912 p. 71.